

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

Дата поступления: 28.12.2021
рецензирования: 30.01.2022
принятия: 28.02.2022

Революционный дискурс как предмет изображения в романе Достоевского «Бесы»

Н.Ю. Темникова

Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: temnatasha@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1588-6900>

Аннотация: Предметом исследования в статье является русский революционный дискурс как объект художественной рефлексии. Анализ был подвергнут «самый политический» роман Ф.М. Достоевского – «Бесы». В качестве основного метода применялся семиотический анализ, который позволил выявить совокупность основных ценностей и вызовов революции в интерпретации Достоевского: категории революционной политической власти (новый человек и его основной атрибут – своеволие, новый социум, «друзья» и «враги» революции), стратегии речевого поведения революционера и революционные жанры, отражающие, с одной стороны, практику политической борьбы 60-х – 80-х гг. XIX в., с другой – особенности художественного мышления Достоевского. Различные фокусы изображения, используемые Достоевским, – от карикатурно-гротескного до трагического – позволяют высветить многие острые проблемы русской истории, от которых легко провести параллель к проблемам современности.

Ключевые слова: художественный текст; Достоевский; роман «Бесы»; политический дискурс; революция; семиотический анализ; концепт; речевая стратегия; революционная пропаганда; речевой жанр; скандал.

Цитирование. Темникова Н.Ю. Революционный дискурс как предмет изображения в романе Достоевского «Бесы» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 133–140. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-133-140>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Темникова Н.Ю., 2022

Наталья Юрьевна Темникова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 В.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 28.12.2021
Revised: 30.01.2022
Accepted: 28.02.2022

Revolutionary discourse as the subject of the image in the «Demons» by Dostoevsky

N.Yu. Temnikova

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation.

E-mail: temnatasha@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1588-6900>

Abstract: The subject of the research in the article is the Russian revolutionary political discourse as an object of artistic reflection. The analysis was carried out on the material of the «most political» novel by F.M. Dostoevsky «Demons». The main method of research is semiotic analysis, which revealed the totality of the basic values and challenges of the revolution in Dostoevsky's interpretation: the categories of revolutionary political power (a new person and his main attribute – self-will, a new society, «friends» and «enemies» of the revolution), the strategies of the revolutionist's speech behavior and revolutionary genres. The various image focuses used by Dostoevsky – from the grotesque to the tragic – allow highlighting many acute problems of Russian history, from which it is easy to draw a parallel to the problems of modernity.

Key words: literary text; Dostoevsky; novel «Demons»; political discourse; revolution; semiotic analysis; concept; speech strategy; revolutionary propaganda; speech genre; scandal.

Citation. Temnikova N.Yu. Revolutionary discourse as the subject of the image in the «Demons» by Dostoevsky. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 133–140. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-133-140>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Temnikova N.Yu., 2022

Natalia Yu. Temnikova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2v, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Предметом нашего рассмотрения является русский революционный дискурс в художественной интерпретации Ф.М. Достоевского. Исследование осуществлялось на материале романа «Бесы», в котором, по Н.А. Бердяеву, до глубины раскрыта «диалектика русской революционной мысли», обнажена метафизика русской революционности [Бердяев 1990].

Дискурсивный подход к анализу «Бесов» имеет своей целью исследовать совокупность главных ценностей и вызовов революции в интерпретации Достоевского и их отражение в языке.

В качестве основного метода в статье применялся семиотический анализ, который предполагает рассмотрение предмета в трех традиционных семиотических ракурсах: семантика, прагматика и синтактика. По словам Е.И. Шейгал, семантический аспект анализа дискурса отражен в специализированных знаках и дискурсообразующих концептах, прагматический – в освещении интенциональных характеристик дискурса (включая анализ специфических речевых актов, стратегий и тактик), синтаксический представлен жанровой структурой дискурса и коммуникативными событиями [Шейгал 2005, с. 61]. В статье был использован также контекстуальный анализ, позволяющий с помощью макроконтекста выявить индивидуально-авторские значения языковых единиц.

Революционный дискурс является разновидностью дискурса политического. Если понимать под последним «совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики» [Эпштейн 2008, с. 150], то логично привлечь к анализу те фрагменты текста, которые представляют собой политические (шире – идеологические) высказывания «сторонников революции». Эти высказывания объективированы в различных вариантах неавторской речи, например, в репликах диалогов: Кириллова – с рассказчиком, со Ставрогиным, с Петром Степановичем Верховенским; Петра Степановича Верховенского – с «нашими», со Ставрогиным и т. д., во вводимых в речевую ткань примерах политических жанров, а также во вкраплениях революционного текста в иные виды текстов – авторский, консервативный, патриотический и др., то есть в цитатах.

Революционный словарь

Рассмотрим вопрос о том, какой виделась Ф.М. Достоевскому концепция революционной политической власти (как известно, в тексте чрезвычайно подробно воспроизведена бакунинско-нечаевская программа революционного террора «Катехизис революционера»). Для этого обратимся к анализу словаря, отражающего совокупность основных ценностей революции. Исходя из автор-

ской склонности к «нагнетанию смысла, сопряженного с поисками языковых средств выражения его тончайших нюансов» [Ружицкий 2015], мы выделили в романе следующие ключевые идеи (категории) революционного дискурса.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, НОВЫЙ МИР. Главный экспликатор этого комплекса представлений у Достоевского – прилагательное *новый*, которое является фактом социалистического словаря эпохи (ср. *новые люди* у Чернышевского) и имеет значения «актуальный», «прогрессивный», «появившийся в борьбе со старым режимом» (возникает оппозиция *новый – прежний*). В авторском тексте эта лексема обычно берется в кавычки или выделяется курсивом (полемический прием, подчеркивающий ее идеологическую чуждость авторскому дискурсу). Ср. примеры: *...у нас уже пошли слухи о том, что она вольнодумка и «новых правил»* (Бесы, с. 40); *Он (Липутин. – Н. Т.) стал говорить ...о приезде губернаторши «с новыми разговорами», об образовавшейся уже в клубе оппозиции, о том, что все кричат о новых идеях...* (Бесы, с. 100); *Должно быть, из новых, – подумал я, – недаром в Швейцарии побывала* (Бесы, с. 141).

Слово *новый* выступает в романе носителем иронических метаоценок (по Бахтину, в слове звучит не один, а сразу несколько голосов). Это наблюдается в случаях пародийного «отзеркаливания» революционного дискурса в дискурсе консервативном, когда высмеиваются декларативные намерения социалистов-революционеров создать положительный образ будущего на фоне отрицательного образа настоящего и прошлого: *... даже самую нравственность совсем отвергают, а держатся новейшего принципа всеобщего разрушения* (Бесы, с. 110); *Ясно было, что в этом сброде новых людей много мошенников* (Бесы, с. 44); *Чай разливала 30-летняя дева... существо молчаливое и ядовитое, но разделявшее новые взгляды...* (Бесы, с. 379–380); *...вдруг появляется Вавилонская башня, и какие-то атлеты ее наконец достраивают с песней новой надежды, и когда уже достраивают до самого верха, то обладатель, положим хоть Олимпа, убегает в комическом виде, а догадавшееся человечество, завладев его местом, тотчас же начинает новую жизнь с новым проникновением вещей* (Бесы, с. 31). Очевидно, что как раз в случаях пародийной дискредитации революционного словаря максимально отчетливо проступает прагматический потенциал образующих его элементов, всегда заключающих в себе политическое суждение, «объект которого – явление, обозначенное словом, а «предикат» – выраженная им оценка» [Эпштейн 1991].

В подобном контекстном употреблении лексема *новый* приобретает дополнительные смыслы – «нигилистический», «связанный с разрушением». Эти значения выступают на первый план уже не в пародийных фрагментах текста: – *Я, конечно, понимаю застрелиться, – начал опять... Николай*

Всеволодович... – я иногда сам представлял, и тут всегда какая-то ... и тут всегда какая-то новая мысль: если бы сделать злодейство или, главное, стыд, то есть позор, только очень подлый и... смешной, так что запомнят люди на тысячу лет и плевать будут тысячу лет... Вы называете, что это новая мысль? – проговорил Кириллов подумав. – Я... не называю, ... когда я подумал однажды, то почувствовал совсем новую мысль... – Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые (Бесы, с. 241); Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою (Бесы, с. 585).

Таким образом от идеи обновления как прогресса «прокладывается мост» к идее человекобога – логическому финалу развития мыслей о новом человеке и новом мире: *Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек (Бесы, с. 130); Кто победит боль и страх, тот сам станет бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое (Бесы, с. 130).*

СТОРОННИКИ и ВРАГИ РЕВОЛЮЦИИ. «Революционная власть – это та власть, которая должна постоянно защищать себя и призывать сторонников на свою защиту» [Балушкина 2015, с. 84].

Группа *сторонников революции* маркируется в революционном словаре с помощью собирательного существительного *наши*, которое обычно выделяется в тексте рассказчика курсивом, что подчеркивает его дискурсивную специфику. *Наши* – это прежде всего замкнутая система лиц, объединенных политическими взглядами (в авторской речи используются номинации *кружок, кучка заговорщиков*): *... в квартире прапорщика Эркеля, собрались наши в полном комплекте, внятером (Бесы, с. 516), в главе «У наших»: ... Они представляли собою цвет самого ярко-красного либерализма в нашем древнем городе и были весьма тщательно подобраны* *Виргинским для этого «заседания» (Бесы, с. 380).* Такая реализация лексемы связана с ключевой для революционного дискурса оппозицией «свой – чужой»: идеей присоединения к «своим» и отторжения «чужих».

Достоевский показывает, как эта идея постепенно гипертрофируется, в результате слово *наши*, по словам Г.И. Немец, бесконечно расширяет свой семантический потенциал (Немец 2002, с. 164). Петр Верховенский подробно перечисляет тех, кого охватывает это понятие: *Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наши. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наши. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наши, наши. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много,*

и сами того не знают (Бесы, с. 407). Очевидно, что здесь на уровне авторского метадискурса происходит дискредитация языка революционной пропаганды, заявляющей свою партию как такую, которая отвечает интересам всего народа, разных социальных групп (учителей и школьников, адвокатов и прокуроров, администраторов и литераторов).

В таком макроконтексте концептуальный признак *наши*, то есть *сторонники революции*, приобретают и бранные лексемы типа *сволочь, сор*, актуализирующие семантику отторжения, а также слово *материал*, которое обозначает некую совокупность лиц как неживой объект, вещество, используемые для каких-либо целей. Так при обозначении «своих» возникает идея господства и подчинения, когда, как сказано в романе, *действует один, а остальные только пешки (Бесы, с. 517), ср.: Нет, эта демократическая сволочь с своими пятерками – плохая опора (Бесы, с. 503); ... центральный комитет – я да вы, а разветвлений будет сколько угодно. – И все этакая-то сволочь! – Материал. Пригодятся и эти (Бесы, с. 376).* Показательно, что в подобных оценках «сторонников революции» рассказчик обнаруживает полную солидарность с субъектами революционного дискурса: *Между тем, эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно (Бесы, с. 443).*

Актуализируемые лексемами значения «собирательность», «обезличенность», «отсутствие собственной воли» связаны с важнейшей для революционного дискурса идеей *равенства*. Принцип равенства, по Достоевскому, может реализоваться только в *стаде*, в обществе *рабов*, в которых преобразуется данная категория *наших* и которые составят «девять десятых человечества»: *Все рабы и в рабстве равны; Рабы должны быть равны: ... в стаде должно быть равенство... (Бесы, с. 405); Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство (Бесы, с. 405).*

Обратимся к рассмотрению категории *врага*. В революционные времена она приобретает не меньшую значимость, чем во время войн. Это некая «демаркационная линия» между сторонниками революции и теми идеями и людьми, уничтожение которых является одной из основных задач, провозглашаемых во имя ее торжества [Балушкина 2015, с. 84]. Врагами революции в «Бесах» являются, прежде всего, *бог, церковь и «все священное»*. Соответствующие лексемы сочетаются в контексте со словами и словосочетаниями, актуализирующими семантику уничтожения: *Об атеизме говорили и, уж разумеется, бога раскрасировали (Бесы, с. 232); Запирайте скорее церкви,*

уничтожайте бога, нарушайте браки, уничтожайте права наследства, берите ножи (Бесы, с. 272); *...И предать навеки мщенью Церкви, браки и семейство – Мира старого злодейство!* (Бесы, с. 345); *Я хоть и не верую вполне, но все-таки не скажу, что бога расстрелять надо* (Бесы, с. 387).

Второй враг «борцов за справедливое переустройство общества» – это *Россия*, носитель того же патриотического и религиозного комплекса смыслов, что и *Русь*. В революционном тексте у слова *Россия* появляются смыслы «непредсказуемость», «бестолковость», «карикатурность»: *Увы, мы пигмеи сравнительно с полетом мысли Северо-Американских Штатов; Россия есть игра природы, но не ума* (Бесы, с. 268); *Но никогда Россия, во всю бестолковую тысячу лет своей жизни, не доходила до такого позора* (Бесы, с. 468); *А между тем никогда Россия, даже в самые карикатурные эпохи своей бестолковщины, не доходила...* (Бесы, с. 468) (из речи чтеца-«маньяка» на празднике в честь гувернанток).

В тех случаях, когда революционный дискурс становится объектом оценок в патриотическом дискурсе, слово *Россия* приобретает значение «предмет нападков, ненависти», ср.: *Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм вьезшаяся...* (Бесы, с. 150); *Ненависть тоже тут есть... они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться!* (Бесы, с. 150); *...бесчестилась Россия всенародно, публично, и разве можно было не реветь от восторга?* (Бесы, с. 468).

СВОЕВОЛИЕ. Согласно словарю С.И. Ожегова, в языке лексема *своеволие* имеет значения «прихоть», «произвол» и потому изначально несет негативнооценочный заряд. В теологическом дискурсе *своеволие* является признаком «отсутствия христианской морали», «жизни без Бога, вопреки Богу, по своей воле» (Основы...). Эти общеязыковые значения актуализируются в тексте «Бесов», где с лексемой устойчиво связана идея *атеизма* и мысль Кириллова о *человекобоге* и, как следствие, комплекс оценочных признаков «гордость / гордыня», «непокорность», «бунтарство»: *Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие?..* (Бесы, с. 582–583); *Но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую* (Бесы, с. 582); *Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие* (Бесы, с. 582); *Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие!* (Бесы, с. 584–585).

Однако семантическое наполнение лексемы как ключевого знака революционного словаря «Бесов» не исчерпывается общеязыковыми значения-

ми. *Своеволие* в контексте становится синонимом *личной свободы*, при этом возникает устойчивая ассоциативная связь *свободы / своеволия* и *самоубийства*: *Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому.* Ср.: *Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою* (Бесы, с. 585); *Всякий, кто хочет главной свободы, тогда должен сметь убить себя* (Бесы, с. 130). «Заряженное» этим смыслом слово *своеволие* приобретает контекстное значение «источник страдания, несчастья»: *Я еще только бог поневоле, и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие* (Бесы, с. 584); *Все несчастны потому, что все боятся заявлять своеволие* (Бесы, с. 584); *Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия...* (Бесы, с. 584).

Уравнивание понятий *свобода* и *своеволие* приводит к тому, что важнейшие риторические оппозиции революционного дискурса: *свобода – деспотизм, свобода – рабство* – трансформируются в оксюморонные конструкции: *...без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства ...* (Бесы, с. 405); *Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом* (Бесы, с. 392), которые в «новоязе» XX века будут превращены в лозунги типа «свобода – это рабство» (Оруэлл).

Итак, сама структура рассмотренных концептов является средством выражения оценок в авторском метадискурсе. Кроме того, революционный словарь позволяет воссоздать «идеологию и стилистический климат эпохи, конкретной среды» [Эпштейн 2008, с. 151].

Коммуникативные особенности и жанровые черты революционного дискурса

В плане характеристики речевого поведения «сторонников революции» романа особенно важным нам представляется выбор коммуникативных стратегий, находящихся в прямой зависимости от цели дискурса. Основная цель субъектов революционного дискурса – завоевание и удержание власти. Для этого используются, как показывает Достоевский, стратегии *агитации* и *подавления*.

Агитация осуществляется с помощью *пропаганды* – целенаправленного использования средств языка для воздействия на умы и чувства определенной группы людей. В «Бесах» сами пропагандисты объясняют, как и зачем они побуждают адресатов к участию в реализации выдвигаемых инициатив, давая таким образом «внутреннюю реконструкцию бесовства» [Тороп 2008, с. 196]: *систематическую обличительную пропагандой непрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу,*

вергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние (Бесы, с. 520).

Материальное воплощение политической пропаганда получает в жанре прокламации. В смысловой структуре «Бесов» этот жанр играет особую роль – с ним связана актуализация стоящего за романом социально-политического контекста (1860-е годы – «эпоха прокламаций»). Герои «Бесов» имеют дело с прокламациями регулярно: *принялась было читать заграничные запрещенные издания и даже начавшиеся тогда прокламации* (Бесы, с. 41); *он участвовал в составлении какой-то подметной прокламации и притянут к делу* (Бесы, с. 93); *Шатов, к черту прокламации, а?* (Бесы, с. 161); *мудрец, издававший там прокламации* (Бесы, с. 227); – *Они (прокламации. – Н. Т.) открыто обличают обман...* (Бесы, с. 363) и т. д.

Образчики этого жанра представлены в романе в свете пародийного дискредитирующего обыгрывания: ср. прокламацию-листовку «Светлая личность», где воспет образ студента-революционера и провозглашен идеал разрушения патриархальной России, или куплеты в честь гувернанток, прочитанные Липутиным на литературном утрене, с их особенно показательной заключительной строфой:

*Ретроградка иль жорж-зандка,
Все равно теперь ликуй!
Ты с приданым, гувернантка,
Плюй на все и торжествуй!* (Бесы, с. 454)

Достоевский, вскрывая жанровые черты прокламации, сатирически заостряет примитивность и вульгарность революционного дискурса в целом: пристрастие к «кричащим» формам, модальность императива (*Порешить вконец боярство, Порешить совсем и царство, Сделай общими именья И предать навеки мщенью...* (Бесы, с. 345); *Все равно теперь ликуй! Плюй на все и торжествуй!* (Бесы, с. 454)), злободневность (*приданое, капитал* в куплетах гувернантке), идеологическую маркированность (*И пошел вещать народу Братство, равенство, свободу* (Бесы, с. 345); *ретроградка иль жорж-зандка* (Бесы, с. 454)), оценочную дискредитацию – наклеивание ярлыков (*мира старого злодейство; гонимый мстью царской, Злойной завистью боярской* (Бесы, с. 345)).

Другой коммуникативной стратегией, принципиально важной в революционном дискурсе романа, является подавление. Эта стратегия состоит в том, чтобы вселить в человека страх, сделать его зависимым, лишить собственной воли и личных интересов. Как показывает Достоевский, реализуется данная стратегия с помощью тотального контроля деспотичной власти над всеми сферами социальной и личной жизни (ср. реплику Верховенского в разговоре с *нашими*: *Не беспокойтесь, господа, я все ваши шаги знаю. Вы ехидно улыбаетесь, господин Липутин? А я знаю, например, что вы четвертого дня исципали вашу супругу*

в полночь, в вашей спальне, ложась спать (Бесы, с. 520)).

Дискурс приобретает регулятивный характер: его субъекты *обязаны слепым послушанием центру* (Бесы, с. 519), в частности, в их задачи входит постоянно докладывать коммуникативному лидеру о своих действиях. Это обстоятельство подчеркивается в романе многократным употреблением жесткой языковой структуры: *должен/обязан + отчетом; должен/обязан + дать/давать + отчет*: *И мне и Николаю Всеволодовичу слишком известны ваши здешние проделки, в которых, не забудьте это, вы должны будете дать отчет* (Бесы, с. 196); *Каждый из вас обязан высшим отчетом* (Бесы, с. 573); *Помните, что вы обязаны отчетом; – Наплевать на ваши отчеты, и никому черту я не обязан* (Бесы, с. 150); *У вас станок, вам не принадлежащий и в котором вы обязаны отчетом, как знаете сами* (Бесы, с. 543); – *Я вам не обязан никаким отчетом* (Бесы, с. 366). Мы видим, что механизмом, с помощью которого осуществляется трансляция власти, становится характерная для языка бюрократии «грамматика долженствования» [Гридина, Коновалова, Краснопорова 2021, с. 14] (ср. также: *...у них все смертная казнь и все на предписаниях, на бумагах с печатями, три с половиной человека подписывают* (Бесы, с. 248). При этом бюрократический канцелярский язык в тексте одновременно дискредитируется в ином типе дискурса, ср. реплики Шатова: *Наплевать на ваши отчеты, и никакому черту я не обязан; Я не признаю никакой обязанности давать черт знает кому отчет* (Бесы, с. 370).

В условиях тотального контроля власти необходимыми элементами коммуникации становятся *доносительство* и *шпионство*. *Донос* – это «тайное обвинительное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-н. деятельности, поступках» (Ожегов), *шпионство* – слежка, выслеживание. *Гнусное шпионство* (Ушаков). В традиционной системе нравственных норм соответствующие социальные действия открыто порицаются, что находит отражение и в революционном дискурсе «Бесов» – в случаях, когда речь идет о доносе правительству: *Готов донос, и, может быть, завтра или сегодня в ночь вас перехватывают* (Бесы, с. 521); *Все они, от неуменья вести дело, ужасно любят обвинять в шпионстве* (Бесы, с. 249). В то же время «внутри системы» *доносительство* и *шпионство* не просто естественны (ср.: *...этот Верховенский такой человек, то, может быть, нас теперь подслушивает, своим или чужим ухом, в ваших же сенях; Даже пьяница Лебядкин чуть ли не обязан был за вами следить, а вы... за ним; За вами всегда надсматривали* (Бесы, с. 247)), а являются социально одобряемыми, программными типами коммуникативного поведения, поскольку способствуют необходимому для власти пресечению вертикальных связей между людьми: *...каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом* (Бесы,

с. 405]; *Для того... вы и сплотились в отдельную организацию свободного собрания единомыслящих, чтобы в общем деле разделить друг с другом энергию и, если надо, наблюдать и замечать друг за другом* (Бесы, с. 57). Подобные оксюморонные построения (*свободное собрание единомыслящих* оказывается основанным на шпионстве друг за другом), а также парадоксальное несоответствие системы взаимоотношений между членами *свободного собрания* выдвигаемым ими лозунгам типа *Братство, равенство, свобода* служат на уровне авторского метадискурса развенчанию революционной риторики.

Стратегия подавления связана также с использованием общей конфликтной тональности общения, жесткой вербальной агрессии. В тексте употребляется выражение *кухарочный словарь* и подчеркиваются такие его особенности, как *грубость, громкость, простота*, доведенные до крайности: *Петр Степанович... грубо выразился* (Бесы, с. 312); *Так грубо пойманный, Лембке был сильно пикирован* (Бесы, с. 313); *Они говорят грубо, но просто* (Бесы, с. 333); *С грубым сарказмом и в нетерпении* (Бесы, с. 313); *Они (прокламации. – Н. Т.) говорят громко, когда все молчат* (Бесы, с. 363).

Агрессивность революционного дискурса находит в романе свое наиболее полное воплощение в жанре *скандала*. В художественном произведении *скандал*, по словам Бахтина, представляет собой «эксцентрическое поведение, неуместные речи и выступления, то есть всяческие нарушения общепринятого и обычного хода событий, установленных норм поведения и этикета, в том числе и речевого» [Бахтин 1979, с. 135]. Скандал у Достоевского является одним из ключевых элементов романной структуры [Криницин 2016, с. 407; Торроп 2008; Кантор 2008]. В рамках нашего анализа интерес представляет *скандал политический* – «публичное конфликтное общение вокруг события, нарушающего этические нормы, и влияющее на политическую ситуацию» (Кочкин 2003).

Скандалы упоминаются на страницах «Бесов» регулярно (*натолкнуть... на какой-нибудь явный скандал...* (Бесы, с. 307); *произвели скандал* (Бесы, с. 318); *Скандал выходил непомерный* (Бесы, с. 466); *подоспел и другой скандал* (Бесы, с. 66) и т. д.), при этом четко сформулированы политические цели данной формы коммуникации: *На вопрос: для чего сделано столько убийств, скандалов и мерзостей? — он с горячею торопливостью ответил, что «для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обескуражить и изо всего сделать кашу и расшатываемое таким образом общество, болезненное и раскисшее, циничское и неверующее, но с бесконечною жаждой какой-нибудь руководящей*

мысли и самосохранения, — вдруг взять в свои руки...» (Бесы, с. 630–631). Так в романе обнажено предстает семиотическая сторона данного явления: по словам Норы Брукс, скандал «стремится обеспечить собой систему», а серия скандалов, получивших резонанс в обществе, может привести к ее разрушению (как, например, цепочка скандалов с Григорием Распутиным перед революцией 1917 года в России или скандальный процесс, известный под названием «процесс об ожерелье королевы», предшествовавший Великой французской революции [Брукс 2008, с. 7]).

Политический скандал в «Бесах» становится квинтэссенцией революционного дискурса: он показан, с одной стороны, как средство разрушения системы, с другой – как результат этого разрушения: ср. в сцене, ставшей кульминацией первой части праздника в честь гувернанток, когда поведение участников события доходит до крайней степени «нигилистического беснования», а люди теряют способность к членораздельной речи: *...в последней степени азарта провизжал Степан Трофимович...; Но покамест он визжал без толку и без порядку, нарушился порядок и в зале; проревел у самой эстрады семинарист; — Он оскорбил общество!.. Верховенского! — заревели неистовые; Неистовый вопль раздался со всех сторон...; Последних слов даже и нельзя было расслышать за ревом толпы* (Бесы, с. 465–467).

Заключение

Целью настоящей статьи являлся семиотический анализ революционного дискурса, изображенного Достоевским в романе «Бесы». Проведенное исследование позволило обнаружить совокупность разоблачаемых Достоевским ценностей и вызовов революции: категории революционной политической власти (новый человек и его основной атрибут – своеволие, новый социум, «друзья» и «враги» революции), стратегии речевого поведения революционера и революционные жанры, отражающие практику политической борьбы 60-х – 80-х гг. XIX в.

Были выявлены способы дискредитации революционной риторики, наглядного представления ее лживости, манипулятивной направленности, нацеленности на подавление. Показано, что «эксплуатация» средств с семантикой долженствования и оценочных языковых единиц создает общую стилистическую картину сочетания грубости, вульгарности дискурса и его канцелярско-бюрократического характера.

Различные фокусы изображения, используемые Достоевским, – от карикатурно-гротескного до трагического – позволяют высветить многие острые проблемы русской истории, от которых легко провести параллель к проблемам современности.

Материалы исследования

Бесы – *Достоевский Ф.М.* Бесы: роман в трех частях. Москва: Современник, 1993. 638 с.

Кочкин 2003 – *Кочкин М.Ю.* Политический скандал как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 17 с. URL: <https://www.disscat.com/content/politicheskii-skandal-kak-lingvokulturnyi-fenomen>.

Немец 2002 – *Немец Г.И.* Концептуальное пространство художественного текста: структура и способы представления (на материале романов И.С. Тургенева «Отцы и дети» и Ф.М. Достоевского «Бесы»): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 195 с.

Ожегов – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Рос. фонд культуры. Москва: Азъ Ltd, 1992. 955 с.

Оруэлл 2015 – *Оруэлл Дж.* 1984: роман. Скотный двор: сказка-аллегория: перевод с англ. Москва: Аст, 2015. 361 с.

Основы... – *Основы духовной культуры* (энциклопедический словарь педагога). URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/index.htm>.

Ушаков – *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakov.slovaronline.com>.

Библиографический список

Балушкина 2015 – *Балушкина Е. В.* Репрезентация категории врага в революционном политическом дискурсе О. Кромвеля и М. Робеспьера // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 9 (9). С. 83–93. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26677296>.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия, 1979. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/index.htm>.

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Достоевский в русской революции // Из глубины: сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков [и др.]. Москва: Изд. Моск. ун-та, 1990. 298 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/6/iz-glubiny/2_3.

Брукс 2008 – *Брукс Н.* Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала: сборник статей. Москва: Европа, 2008. 584 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf>.

Гридина, Коновалова, Красноперова 2021 – *Гридина Т.А., Коновалова Н.И., Красноперова Е.С.* Грамматика воздействия: коммуникативные стратегии моделирования образа «свой – чужой» в сфере предвыборного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 12–22. DOI: http://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_01.

Демьянков 2002 – *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. Москва: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 31–44. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=1232775>.

Кантор 2008 – *Кантор В.К.* Скандал как ultima ratio героев Достоевского // Семиотика скандала: сб. ст. Москва; Париж: Сорбонна. Русский институт, 2008. С. 240–254. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf>.

Криницин 2016 – *Криницин А.Б.* Поэтика и семантика скандала в поздних романах Ф.М. Достоевского // Преподаватель XXI век. 2016. № 2–2. С. 407–422. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26134721>.

Ружицкий 2015 – *Ружицкий И.В.* Афоризмы в политическом дискурсе Ф.М. Достоевского // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 214–218. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23590808>.

Тороп 2008 – *Тороп П.* Достоевский, Бахтин и семиотика скандала // Семиотика скандала: сб. ст. Москва: Европа, 2008. С. 185–209. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf>.

Эпштейн 1991 – *Эпштейн М.Н.* Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33. URL: https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_624_1491389970.pdf.

Эпштейн 2008 – *Эпштейн О.В.* Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 150–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207672>; https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2008_2_55.pdf.

Шейгал 2005 – *Шейгал Е.И.* Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики): сб. обзоров / Отд. языкознания; отв. ред.: Е.О. Опарина, Е.А. Казак. Москва, 2005. С. 51–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15614065>.

References

Balushkina 2015 – *Balushkina E.V.* (2015) Representation of the «enemy» category in revolutionary political discourse of Oliver Cromwell and Maximilien Robespierre. *RSUH/RGGU Bulletin: «Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies»*, Series, no 9 (9), pp. 83–93. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26677296>. (In Russ)

Bakhtin 1979 – *Bakhtin M.M.* (1979). Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Sovetskaya Rossiya. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/index.htm>. (In Russ)

- Berdyayev 1990 – *Berdyayev N.A.* (1990) Dostoevsky in the Russian revolution. In: *Askoldov S.A., Berdyayev N.A., Bulgakov S.A. et al. (Eds.) From the depths: collection of articles on the Russian revolution*. Moscow: Izd. Mosk. un-ta, 298 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/6/iz-glubiny/2_3. (In Russ.)
- Bruks 2008 – *Bruks N.* (2008). Scandal as a mechanism of culture. In: *Semiotics of scandal. Collection of articles*. Moscow: Evropa, 584 p. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf>. (In Russ.)
- Gridina, Konovalova, Krasnoperova 2021 – *Gridina T.A., Konovalova N.I., Krasnoperova E.S.* (2021) Grammar of impact: communicative strategies of modeling the image of «own – alien» in the field of pre-election political discourse. *Political Linguistics*, no 6 (90), pp. 12–22. DOI: http://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_01. (In Russ.)
- Demyankov 2002 – *Demyankov V.Z.* (2002) Political discourse as a subject of political science philology. *Political science. Political discourse: History and modern research*, no 3, pp. 31–44. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=1232775>. (In Russ.)
- Kantor 2008 – *Kantor V.K.* (2008) Scandal as the ultima ratio of Dostoevsky's heroes. In: *Semiotics of scandal. Collection of articles*. Moscow; Paris: Sorbonna. Russkii institut, pp. 240–254. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf>. (In Russ.)
- Krinityn 2016 – *Krinityn A.B.* (2016) The poetics and semantics of scandal in Dostoevsky's later novels. *Prepodavatel XXI vek*, no. 2–2, pp. 407–422. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26134721>. (In Russ.)
- Ruzhitskiy 2015 – *Ruzhitskiy I.V.* (2015) Aphorisms in Dostoevsky's political discourse. *Political Linguistics*, no. 1 (51), pp. 214–218. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23590808>. (In Russ.)
- Torop 2008 – *Torop P.* (2008) Dostoevsky, Bakhtin and the semiotics of scandal. In: *Semiotics of scandal: collection of articles*. Moscow: Evropa, pp. 185–209. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/372295371.pdf>. (In Russ.)
- Epstein 1991 – *Epstein M.N.* (1991) Ideology and language (Building a model and understanding discourse). *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 6, pp. 19–33. Available at: https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_624_1491389970.pdf. (In Russ.)
- Epstein 2008 – *Epstein O.V.* (2008) Semantic-pragmatical and communicative-functional categories of political discourse. *Philology. Theory & Practice*, no. 2 (2), pp. 150–156. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207672>; https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2008_2_55.pdf. (In Russ.)
- Sheigal 2005 – *Sheigal E.I.* (2005) Problems of analysis of political discourse. In: *Oparina E.O., Kazak E.A. (Eds.) Russian language in modern society: (Functional and status characteristics): collection of reviews*. Moscow, pp. 51–70. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15614065>. (In Russ.)